

му естественному мироощущению человека, в его гармоническом слиянии со вселенной...»

Действительно, «утро солнцезлазое», когда голос поэта, кажется, «купается в лучах, как птаха в сверкающей на солнце луже», это не просто удачные сравнения, которые, как писал Радноти позже, «качались... на пеннстом гребне размеров». Это присяга на верность жизни, небесной синеве, которую уже жадно «съедает» туча близящейся войны.

В «Переменчивом пейзаже» на смену картине, простой и милой, как детский рисунок («Дождь протоптал по нежным рощам... и по склонам неба укатился гром»), приходит иная — след собачьих лап, как траурная вязь... словно цепь, которая сплетает сиплый страх деревьев, ветра, птиц,— и эта картина подготавливает появление жандармов.

Радноти с понятным трагизмом воспринимает гибель Испанской республики, драму Герники, дни, когда были сирены и — часто! — молчала совесть.

На сей земле я жил во дни, когда исподличался человек настолько, что убивал не только по приказу, а добровольно и со сладострастьем, творец злых грез, сам отданный

во власть им.

(«Отрывок». Перевод Л. Мартынова)

Он провел конец своей жизни в фашистских «трудовых лагерях», «за забором, отороченным проволокой»:

Как без знаков во мгле я пишу это стихотворенье, строчку под строчкой тесня, так же слепо я существую, гусеницей по бумаге ползу — а фонарик и книги отнял конвой...

(«Седьмая эклога». Перевод Д. Самойлова)

Его убили, заставив перед этим вырыть себе могилу, и когда тело поэта было найдено, у него в кармане оказалась записная книжка со стихами. Но если бы даже она совсем истлела — эти «гусеницы» стершихся, неровных строк давно уже превратились в ярчайшие, трепещущие всеми красками жизни образы, в стихи, несенные на волю товарищами поэта, которым посчастливилось уцелеть.

Я не знаю, есть ли в Венгрии памятник Радноти и нужен ли он. «Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм», — сказал Маяковский.

«...У кладки новых стен мои слова воспрянут», — верил Радноти. И они впитались в его родную землю, как пролитая им кровь, взошли цветами, обернулись «златыми шариками» цыплят, шелестом листьев и головами «подростших мальчишек и девчонок».

А после этой маленькой, любовно составленной и изданной книги стихов Миклоша Радноти и многие русские читатели благоговейно примут, по выражению Блока, в пантеон своей души достойного собрата Шандора Петёфи, Эндре Ади и Агтили Йожефа.

А. ТУРКОВ

ЦВЕТ КРОВИ И НАДЕЖДЫ

Айрис Мэрдок. Алое и зеленое. Перевод с английского М. Лорие. Предисловие В. Скороденко. Москва, «Прогресс», 1968. 287 стр.

В 1966 году советские читатели впервые познакомились с творчеством одной из самых оригинальных и значительных писательниц современной Англии Айрис Мэрдок: в издательстве «Прогресс» был издан первый ее роман «Под сетью»* (1954). Вышедший недавно перевод более позднего ее произведения — «Алое и зеленое» (1965) — значительно расширяет представление о многогранном даровании этой писательницы и о ее сложном творческом пути.

Айрис Мэрдок — философ по образованию и профессия (она довольно долго преподавала историю философии в Оксфордском университете). Английская критика чаще всего рассматривает ее художественное творчество в контексте экзистенциалистских учений, перекличку с которыми обнаруживает во многих ее книгах.

Действительно, ощущение безнадежной разобщенности людей, бессилия их сознательной воли перед стихийной властью «судьбы» и иррациональности того выбора, который они делают в решающие моменты жизни, находясь «под сетью» обстоятельств**, составляет основу большинства ее произведений. Но отношение самой Мэрдок к этим мотивам, сближающим ее с модернистской литературой, поражает парадоксальной противоречивостью. В одних романах — как, например, «Под сетью» — она придает традиционно модернистской теме безысходного одиночества и «некоммуникабельности» людей столь юмористический оборот, что горечь идейных предпосылок, скрытых в подтексте, растворяется в неподдельном комизме сюжета. В иных, безусловно трагических романах Мэрдок улавливается субъективная ироническая нотка: писательница словно задается вопросом: насколько доверчивы ее читатели и согласятся ли они до самого конца принимать всерьез все это хаотическое смешение непознанных или полупознанных роковых тайн, извращений, инцеста, колдовства, преступлений и т. д. Иногда же — как, например, в таком романе, как «Отрезанная голова», — все повествование кажется прямой и откровенной пародией на традиционные «общие места» модернистского романа.

«Алое и зеленое» резко выделяется среди других произведений Мэрдок и подлинным, ненадуманым драматизмом, и прозрачностью, ясностью повествования. Ни один из романов писательницы не был столь жизненным и значительным по своему общественному историческому смыслу.

* Рецензия на этот роман была опубликована в «Иностранной литературе» № 8 за 1966 г.

** Именно таков смысл заглавия первого романа Мэрдок.

Ирландка по происхождению, Айрис Мэрдок пишет здесь об одном из самых трагических событий в истории своей страны — о так называемом «Пасхальном восстании» 1916 года в Дублине, которое было потоплено в крови английским империализмом и тем не менее послужило началом новых битв, в результате которых возникло самостоятельное ирландское государство (хотя и не такое, о каком мечтали многие вожди апрельских боев 1916 года).

Для Айрис Мэрдок «Пасхальное восстание» — не страница из учебника истории, а нечто очень личное, духовно близкое ей. Ее родители были очевидцами этих дней; многое известно и памятно ей, родившейся три года спустя, и по устной семейной традиции. Отсюда, может быть, чувство особой, лирической сопричастности автора к происходящим и ожидаемым событиям, которое не покидает нас при чтении романа.

Айрис Мэрдок не ставит себе задачей написать социально-исторический роман из революционного прошлого своей родины. Она не вдается в анализ подготовки восстания, противоречий между его участниками, причин его поражения — хотя внимательный читатель может уловить многое, относящееся к этому, и в репликах, и в характеристиках действующих лиц. По замыслу Мэрдок, «Пасхальное восстание», началом которого заканчивается основное действие романа, должно все время присутствовать в сознании читателя. «Судьба» или «рок» других ее романов здесь принимает живой облик подлинной истории. Подавляющее большинство персонажей (за исключением повстанца Пата Дюмэй и его братишки Кэтла) еще не знают, что ждет их в остающиеся дни и часы. Они заняты своими каждодневными заботами. Но между тем на них неотвратимо надвигаются события, «грозную красоту» которых воспел великий ирландский поэт Йитс. Эти события оборвут жизнь одних и навсегда сохранятся в сознании тех, кто останется в живых.

Отсюда и заглавие романа. Алое — цвет крови, пролитой героями восстания; зеленое — национальный цвет Ирландии, «зеленого острова», но вместе с тем и символический цвет надежды.

Мэрдок с таким лирическим проникновением пишет об ирландской земле, что кажется, будто Ирландия живет и действует в этом романе наравне с людьми, возвышаясь над ними, то вдохновляя, то утешая их.

Как пишет В. Скороденко в предисловии к роману, «в «географическом атласе» английской литературы рядом с неповторимыми образами Дублина, созданными Джойсом и О'Кейси, «появился новый город» — Дублин Мэрдок. Во многих других, более «темных», символически зашифрованных романах (как, например, «Бегство от чародея», «Единорог» и др.), редкая сила живой пластической изобразительности, присущая дарованию Мэрдок, вступала в противоречие с надуманной, искусственной схемой произведения. Здесь, в «Алом и зеленом», нет этого разрыва. Читателю запомнятся пейза-

жи «зеленого острова» — трава, седая от утренней росы, воздух, напоенный мелкими, едва заметными каплями дождя, перламутрово-серые облака, туманы, сквозь которые внезапно проступают очертания холмов, и море, неумолчно бьющееся о прибрежные скалы.

Этот светлый, а вместе с тем зыбкий и тревожный фон изменчивых апрельских дней отбрасывает отблеск на группу юных героев романа. Среди них — молодой офицер британской армии Эндрю Чейс-Уайт, наивно и самоуверенно мечтающий о счастливом супружестве со своей невестой, Франсис Беллмен, внезапно отвергающей его предложение. Ему противостоит его двоюродный брат Пат Дюмэй, тайный избранник Франсис, не скрывающий презрения к английскому мундиру кузена; пылкий поборник ирландской независимости, он поглощен подготовкой восстания, где его ждет смерть. А рядом с ними сама Франсис — сдержанная, тихая, но полная скрытой энергии девушка, смелая в мыслях и решениях.

Эта группа молодежи заслоняет и отбрасывает на задний план книги фигуры, написанные так же живо, но уже тронутые тлением, напоминающие более или менее традиционных персонажей модернистского романа. Таковы стареющая, но еще обворожительная тетушка Милли, чья ненасытная чувственность требует все новых жертв, или отчим Пата Дюмэй, жалкий старик Барнабас, страдаемый мучительным сознанием собственной неполноценности. Они тоже занимают свое место в романе, но не ими определяется его суть.

Хотя действие «Алого и зеленого» происходит более полувека тому назад, роман этот чрезвычайно современен. Речь идет в нем не только о разбитых мечтах юности, о несбывшихся надеждах; в нем резче и определеннее, чем где-либо еще в творчестве Мэрдок, выдвигаются проблемы долга и от-

ветственности. Вот отрывок из разговора Франсис Беллмен, еще только вступающей в жизнь, с ее дядей, старым чудаком Барнабасом.

«Вдруг она заговорила:

— Не понимаю, как все это не взлетит на воздух.

— Что именно?

— Ну, не знаю... общество, вообще все. Почему бедняки нас терпят? Почему люди идут сражаться в этой дурацкой, отвратительной войне? Почему они не скажут: нет, нет, нет?

— Я с тобой согласен, Франсис. Просто диву даешься, с чем только люди не мирятся. Но они чувствуют свое бессилие. Что они могут? Что можем мы все?

— Люди не должны чувствовать свое бессилие. Что-то надо делать».

Во всем этом диалоге и особенно в этом страстном и негодующем «нет, нет, нет» юной Франсис нельзя не почувствовать отголосков нашей современности, переключки с настроениями сегодняшней студенческой молодежи Запада, превосходящей известными писательницами. В протесте Франсис, считающей, что общество, допускающее социальную несправедливость, «нужно взорвать, камня на камне от него не оставить», есть много наивного, стихийно-анархического, но он подкупает своей искренностью.

Книга завершается эпилогом, переносящим действие на двадцать два года вперед, в 1938 год. «Пасхальное восстание» 1916 года стало полузабытой героической легендой.

В Испании близится к трагическому концу борьба республиканцев против франкистских мятежников, поддерживаемых международной реакцией. Человечество стоит уже на пороге второй мировой войны.

В это время мы снова встречаемся с Франсис — женой самодовольного английского обывателя-дельца и матерью беспокойного «длинноногого» сына, чей лучший друг уже уехал сражаться за Испанскую республику против фашистов и который сам мечтает последовать за ним. Все содержание эпилога по видимости — краткий разговор за утринным завтраком между тремя членами семьи.

Но эта маленькая бытовая сценка в изображении Айрис Мэрдок проникнута таким острым ощущением живой диалектики истории и таким язвительным презрением автора к сторонникам политики «невмешательства», что могла бы с честью занять место в любом из лучших социальных романов в английской литературе XX века.

Муж Франсис — «он был не злой человек, но очень любил пошутить» — подсмеивается над письмом, полученным ею от ирландских родных, а заодно — и над событиями 1916 года, которые кажутся ему столь же незначительными, как и то, что происходит в эти дни в Испании. «Бури в стакане воды», — сказал муж. — Кто сейчас помнит про шестнадцатый год?.. Через двадцать лет то же будет и с этими испанскими событиями, которые тебя так занимают. Герника, Ирунья, Толедо, Теруэль. Никто их не запомнит». А в ответ на возражение сына: «Не согла-

сен... Эти названия войдут в историю Европы», — его отец с самоуверенностью пошляка беспечелляционно заявляет: «Никакой истории Европы не существует... Малым странам нужно закрывать лавочку, и чем скорее они это поймут, тем лучше».

Но едва хозяин дома успевает захлопнуть за собой парадную дверь, как мать и сын, словно заговорщики, возвращаются все к той же, заветной теме. «А я считаю, что шестнадцатый год — это было замечательно», — сказал сын. — Это было напоминание о том, что людей нельзя без конца держать в рабстве... Свобода — в самой природе человека, она не может исчезнуть с лица земли. Подробности борьбы мы, может быть, и забываем, но борьба продолжается, и люди должны быть готовы вернуться к забытым подробностям. А когда настает очередь какой-нибудь страны, пусть и маленькой, встать против своих тиранов, она представляет угнетенные народы всего мира».

После выхода в свет «Алого и зеленого» прошло уже четыре года. Айрис Мэрдок написала еще несколько романов, из которых ни один не продолжает этой героической гражданской темы. Но как бы ни развивалось далее творчество писательницы, в «Алом и зеленом» запечатлена одна из замечательных и неожиданных его граней. Этот роман показывает, сколько ярких, еще не воплощенных возможностей скрывается в противоречивом даровании Айрис Мэрдок.

А. ЕЛИСТРАТОВА

**ИЗДАНО
ЗА РУБЕЖОМ**

В ОЖИДАНИИ

Punyakante Wijenaikie. The Waiting Earth. Colombo, The Colombo Apothecaries, Co Ltd.

«Е тех пор как он себя помнил, он завидовал людям, у которых была земля. Земля, ее так много, она везде; куда ни посмотришь — земля: зеленые растительные поля, джунгли и даже за далекими холмами тоже земля. Но чужая. А ему нужна была не просто земля, а такой хороший квадратный кусок, акра два с небольшим, чтоб он мог называть ее своей, как тот, кто унаследовал землю от отца, а отец — от своего отца. И земля нужна была вот в этой деревне, где он родился, чтоб чувствовать — рожден на этой земле».

Это говорит Поди Синго из романа «Земля в ожидании».

«Земля в ожидании» — первый роман цейлонской писательницы Пуньяканте Видженайке, до этого известной своими новеллами, которые переводились и на русский